

Кристофер Ламбер:

Я ДОБЬЮСЬ МИРОВОЙ СЛАВЫ

Культура. — 1995. — 3 июля. — с. 11.

Среди новых французских актеров Кристофер Ламбер, собственно, выделяется не слишком многим. Симпатии к Америке испытывают почти все «новые французские звезды», которые любят говорить по примеру американцев, что всего в этой жизни добились сами посредством жестокой жизненной борьбы. Ламбера трудно пока поставить рядом со Сталлоне или Шварценеггером, хотя — с поправкой на специфику французского кино — его амплуа, безусловно, перекликается с этими актерами. Интервью, данное молодым актером журналу «Пари-матч», рассказывает о прошлом Ламбера, его личной жизни и планах на будущее.

— Вы сделали в три раза больше фильмов в Соединенных Штатах, чем во Франции. Эпоха «латинского любовника с бархатым взглядом» завершилась. Чего вы ждете?

— Я решил добиться успеха во всем мире. И если бы я не был внутренне убежден, что когда-нибудь он придет, я бы тотчас же остановился. Мне нравятся борцы. Именно поэтому я люблю Америку. Шарон Стоун сделала больше восемнадцати фильмов — серии «Б», прежде чем прогремела на весь мир. Она не была в числе особенно любимых или слишком уважаемых актеров, но это не помешало ей стать первым номером. У меня вызывают смех люди, которые, получив удар, говорят: «Ладно, я и так это знал...».

— Но у вас даже нет ее внешности!

— Поверьте, мне очень жаль. Но я надеюсь, что мой талант будет соответствовать моим устремлениям. Когда мне было 25, я хотел всего, всего сразу. Я пробовал себя во всем. Я учился направлять свою энергию. Нужно уметь выждать, сколько надо. Меня превозносили до небес. Разрушали до основания. Смешивали с грязью... Я научился стойко переносить все.

— Что вас больше привлекает, слава или власть?

— Власть представляет интерес, если умеешь вести дела, а не как инструмент для манипулирования. Но, к несчастью, это слишком часто все для меня и ничего для других...

— Вы никогда не срывали вашей дружбы с Жаком Шираком. Ег и бы он попросил вас поддержать его кампанию, вы бы это сделали?

— Прежде всего он бы меня об этом не попросил. Затем — я не занимаюсь политикой. Я знаю его лично. Почеловечески это нечто восхиительное. Он блистателен, остроумен, великодушен. Он человек более порядочный, чем

большинство политиков. Когда видишь, как великолепно он вел парижские дела, имеешь право подумать, что он мог бы делать это и для всей Франции. Чтобы быть хорошим политиком, надо уметь быть хорошим актером. Большая сила актера в том, чтобы лгать с правдивостью. Вы так верите в его ложь, что в конце концов она становится правдой. Политики должны уметь делать то, что не прощается перед кинокамерой, если ты ошибся: все видно.

— Несколько недель назад было объявлено о вашем разводе с Дианой Лэйн. Это можно назвать «потрясением двух эгоистов»!

— Бэрт Рейнолдс говорил, что двум актерам невозможно жить вместе, потому что они не способны вдвоем смотреться в зеркало! У нас не было ничего похожего. Нас убила не повседневная жизнь. Три первых года были великолепны. Это потом все испортилось... Я ощущаю свою долю ответственности. Когда я возвращаюсь после четырехмесячного отсутствия и по четырнадцать часов в день провожу за телефоном — это не слишком очевидно. Кто может это принять?

— Когда вы решили развестись?

— Около десяти месяцев назад. Мы говорили об этом по-хорошему в течение полутора лет. Надо было немного подождать, пока Диана была беременна. Другого выхода не было. Мы говорили, что лучше будет все прекратить, пока это не стало безобразием. Я ведь чувствовал себя обманутым, когда у меня было впечатление, что я не могу сделать, что хочу. Диане нужен кто-то, с кем она была бы постоянно. И нет никаких причин, из-за которых можно продолжать чувствовать себя несчастным. Я не верю в браки, которые «надо любой ценой сохранить». Однажды,

взглянув на все, поймешь, что иначе быть и не могло.

— Это было облегчение!

— Нет. Так было лучше для всех. Я очень горд нашим разводом. Между нами нет злобы. Ни проблемы детей, ни проблемы денег. Наши адвокаты не возвращаются к этому. Они сказали нам, что никогда не видели такого гармоничного развода, тем более в Голливуде!

— Если Диана спросила бы вас, обманывали вы ее, что бы вы ей ответили?

— Она бы никогда не осмелилась задать мне этот вопрос. Я никогда не скрывал, что я обожал женщин. Но в противоположность тому, что думают, я не волокита. Диана никогда не старалась мешать мне делать то, что мне нравится. Я просто не создан для жизни в паре. Единственная настоящая свобода — это доверять другому.

— Если завтра у Дианы будет другой мужчина, вы будете ревновать?

— Нет. Я искренне надеюсь, что она встретит кого-то, кто сделает ее счастливой. Однако, если однажды она решит всерьез жить с мужчиной, я проявлю бдительность. Я хочу знать, с кем будет жить моя дочь.

— Вашей дочери 16 лет. Отцовство — это было открытие для вас?

— Это гениально! Появился кто-то, с кем я могу беседовать и кто понимает меня. Я бываю с ней так часто, как могу. Однажды перед Рождеством мы с ней десять дней провели, играя в песочек! Если любишь, то немедленно всему учишься. Ты словно на небе. Ты сияешь, как солнце. Когда я вижу маленькую милашку, которая обнимает меня и мне улыбается, я таю. Мощь этой любви феноменальна и необъяснима.

— Как вы представляете себе теперь вашу жизнь?

— Сейчас я думаю только о работе. Я еще не знаю, где я буду ее делать. Моя история с Дианой — красивая история. Это не фиаско, ведь она не закончена. Я иду к другой жизни. Жизнь все время меняется. Наши желания тоже. Надо жить вечно.

Подготовил
Д. САВОСИН.

● Кристофер Ламбер: теперь я делаю, что хочу...

Фото из журнала «Пари-матч».